ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР

Михаил Ульянов: Культура — 1994 — 22 окт — с. 1.

МЫ — КАК ДЕТИ, КОТОРЫХ СЕКУТ НЕИЗВЕСТНО ЗА ЧТО

Наконец-то, театральная осень полностью вступила в свои права. Один за другим распахнули двери театры, большие и малые, академические и новорожденные, традиционные и авангардные. Начало нового сезона — это время надежд и прогнозов, вопросов и проблем. Что ждет нас, зрителей, и что волнует их, мастеров российского театра! Поразмышлять об этом мы попросили Михаила Ульянова. И не случайно. Кому, как ни ему — художественному руководителю Театра имени Евг. Вахтангова, председателю Союза театральных деятелей России и удивительному актеру, знать эти проблемы не понаслышке, а изнутри!

СНАЧАЛА о своем. Театр имени Вахтангова долгое время был театром республиканского значения и потому привилегированным. А сегодня все изменилось. Есть театры президентские, так называемое, национальное достояние — МХАТ, Малый... И есть городские — имени Моссовета, Ленком, Сатиры, Маяковка, которые оказались под эгидой Ю. М. Лужкова. А он человек широкий, щедрый, всячески им помогает — дает квартиры, общежития, деньги на оборудование. А мы, Вахтанговский театр, мы — никто. Что называется, ни к красным, ни к белым не пристали. А поскольку у Министерства культуры сейчас полный швах, то вместе с ним и мы в таком же положении. Идем в министерство и говорим: «Нам тоже нужно менять оборудование, аппаратуру. Все уже устарело». И в ответ слышим: «А у нас денег нету». Вот в каком положении оказался сейчас один из знаменитейших российских театров.

Могут спросить — как же так случилось, что знаменитый Вахтанговский театр не попал в обойму «национального достояния»? Но откуда я знаю, кто эти титулы раздает! У нас сейчас начальства больше, чем работающих. Было много, а стало еще больше. Куда ни пойдешь — везде целые кабинеты, целые дома, бесконечное количество всяких комитетов, департаментов и т. д. Вот еще хорошо бы нам ввести министерство [illegible] — мы бы тогда абсолютно стали похожи на николаевскую Россию, как мы ее описывали в советское время. Так нам тогда и не снилось такое, что творится сегодня.

Мы сейчас живем на этой земле — Арбат, 24 и 26. Рядом с нами разрушенный дом. Но для того чтобы пригласить инвесторов, нужно владеть этой землей. А получить типа под названием «владение хозяйствование», мы никак не можем. И выходит полная белиберда. Инвестор отказывается строить, раз мы не владельцы. И правильно делает: он построит, а потом отберут. Но мы же эту землю в чемоданы не загрузим и в Нидерланды с ней не убежим! Не один год продолжалось наше безумное хождение за землей по бесконечным кабинетам Мосимущества, где от нас отписывались. У министерства денег не было, нет, у государства тоже нет. Так кончится все тем, что мафия около нас построит свои притоны и все будет нормально и законно. А мы будем зажаты уже полностью между строительством всяких учреждений увеселительного порядка и Арбатом, который превратился в криминогенную улицу. Но, слава богу, сегодня что-то сдвинулось. Мосимущество, кажется, уже готово нам решить эту сложную задачу. Но ведь еще не вечер...

(Окончание на 4-й стр.)

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР

Михаил Ульянов:

МЫ — КАК ДЕТИ, КОТОРЫХ СЕКУТ НЕИЗВЕСТНО ЗА ЧТО

МЫ ВСЕ сейчас находимся в полуподвешенном состоянии. Долгие годы процветала система стационарного государственного театра. Никаких частных, коммерческих, семейных и прочих антреприз не существовало и не могло существовать. Советская власть довела количество театров в Москве до 30—35. Сейчас же их — 300 с лишним. О чем это говорит? Это говорит о силе нашей творческой интеллигенции, которая ищет свои пути. Иногда путается, фанфаронит, показушничает. И в то же время появляются действительно талантливые коллективы, которые выживают за счет того, что они свободны.

Было «златое время», когда давали тебе 120 рубликов, в другой театр пойти было немыслимо, никто тебя туда не приглашал и не имел права пригласить. И все жили на своих местах, никто никуда не бегал. Поэтому, когда Р. Н. Симонов хотел ставить тот или иной спектакль, все актеры были у него [illegible].

Что сегодня делает коммерческий театр? Взять, например, Л. Трушкина. Ведь у него театра как такового не существует. Существует Трушкин, который вокруг себя организует на тот или иной спектакль тех или иных актеров. А где он их берет? Он их берет в театрах стационарных. А кого он берет? Он берет только лучших. И понять его можно. Но этот лучший актер работает у нас в Вахтанговском театре или в БДТ, или в Александринке. И, скажем, я его тоже думаю занять. Но занять-то я его займу, а зарплату ему за счет этого не повышу. Потому что наша система подачек и пайков, которая была во времена иные, она и осталась. Существует сетка, в которой есть восемнадцатая линия, выше которой уже никому не дано прыгнуть. Мы же в сетках живем все, как рыбы.

Так вот, я прибавить ему, этому артисту, не могу, а жизнь дорожает. И он, естественно, приходит ко мне и говорит: «Михаил Александрович, мне предлагают играть у Иванова — Петрова — Карпова. Мне роль дают — Хлестакова, дядю Ваню. Отпустите!». Могу я его не отпустить? Не могу. По той простой причине, что он должен зарабатывать, должен семью кормить. Да и творчески ему интересно.

Значит, я его отпускаю. А здесь уже начинаю выкручиваться, приспосабливаться к тому, что у меня пять—десять лучших актеров где-то работают. То есть идет рынок. Нормальный рынок. Но он трясет в жуткой лихорадке наш стационарный театр. Идут треск, ломка, разрушение привычного стационарного и потому прекрасного театра. Ибо эта стационарность давала возможность не уронить традиции, поддерживать особую творческую атмосферу в коллективе, воспитывать актеров, растить их. Так что если мы потеряем такие театры, то мы потеряем российский театр. Потому что оголтелая коммерция, где важно выбить деньги любыми способами и разбежаться,— это смертельный грех.

КОНЕЧНО, при тех труппах, которые существуют в наших коллективах, [illegible] всех достойными ролями нельзя. Это нереально. Нас слишком много. Но вот ведь какой парадокс. Раньше имя актера, его слава, известность, популярность были нужны не только ему лично, но и театру. И именно на актеров ходили к нам — на Николая Гриценко, Михаила Астангова, Григория Абрикосова, Николая Плотникова. Это были крупные артисты, которые зарабатывали себе не деньги, а имена. И их слава привлекала зрителей в театр.

Сейчас же того, кто зарабатывает себе имя, тут же утаскивают на сторону. На нем тоже хотят заработать. Что ж, нормально. [illegible] же платят за какого-нибудь [illegible] гигантские деньги, хотя он и [illegible] на этих упырях. И на него применяют. То же и у нас происходит, только в меньших размерах.

Сейчас актеры существуют как бы сами по себе. Как будто здесь все между прочим, а главное — где-то там. Раньше именно здесь была жизнь, а все остальное — там. Все — карты, женщины, кино, телевидение, партийные и общественные дела. Какая-то переориентация идет. Очень много точек приложения у актера, и он распадается.

Заставить актеров сегодня работать необыкновенно сложно. Если они где-то у Р. Виктюка пляшут и на пупе крутятся, то в родном театре — как сонные мухи. Потому что там им платят, а у нас — «сетка».

Понятия же совести, достоинства остались только у стариков. Хотя я вовсе не говорю о молодежи, как о бросовом материале. Наоборот. Молодежь у нас хорошая. Я считаю, что в Театре имени Вахтангова десятка полтора просто первоклассных, с огромной потенцией молодых актеров. Конечно, у кого-то голова кружиться начинает и появляется ощущение, что он пуп земли. Все это есть. Но они талантливые ребята. И на них, в общем-то, только и можно строить театр. Без них мы погибнем. Ведь стареет театр — даешь актеру роль, а он в больнице... Начинает наше поколение болеть, уставать. А беда заключается в том, что эта профессия требует здоровья, сил, без этого играть нельзя. И мы постоянно обновляем труппу. Вот в этом сезоне к нам пришли еще пять человек — М. Аронова, Н. Гришаева, П. Сафонов, А. Пушкин, А. Дубровская. Они сейчас задействованы во всех наших спектаклях. Их рвут на части. А труппа растет.

Те труппы, которые создавались годами, превратились в огромный, неповоротливый дредноут. У нас масса пенсионеров, которые уже почти ничего не играют. Мы их не выгоняем из театра, не сокращаем по той простой причине, что пенсия ничтожна по сравнению с ценами. Это не пенсия, а милостыня. И если человек, народный артист, уйдет на эту пенсию, он будет перебиваться с хлеба на квас. Что делает театр? Он платит им зарплату и пенсию.

Так многие театры делают. Разные варианты существуют. Но, в общем, все пенсионеров стараются поддержать — договорами, контрактами и т. д. Конечно, есть более простой выход. Пенсионеров — на пенсию без всякой дотации со стороны театра. Всех, кто не нужен, сокращаем. И оставляем труппу в 30—40 человек. А среди тех, кого мы выгоним, что ни человек, то народный или заслуженный артист. Что ни человек, то личность, прожившая в этом театре 40 лет. И что? Это я своему товарищу скажу: «Иди побирайся!». Он для меня не случайный человек. Я не тот, кто приглашает любого на один спектакль.

А если говорить серьезно, то, конечно, мы сейчас не знаем, как решить эту проблему бескровно. Вероятно, без крови это и невозможно. Но ни у кого — ни у Кирилла Лаврова, ни у Олега Ефремова, ни у Юрия Соломина, ни у меня никогда не поднимется рука перешерстить коллектив. И поэтому все тянут не сегодня, не завтра... Еще потянем.

Не знаю, что делать, но могу сказать только одно: сколько хватит моих сил, буду сохранять это некое равновесие между старшим поколением и молодежью. Нужно ориентировать театр на молодежь и творчески поддерживать стариков.

В СИЛУ разных обстоятельств во главе многих театров сейчас находятся актеры: Ю. Соломин — в Малом, К. Лавров — в БДТ, я — в Вахтанговском. Актеры руководят. Это ведь от беды, а не потому, что мы хорошие «управленцы». От беды, что нет художественных лидеров-режиссеров. Таких, какими были Г. А. Товстоногов или Р. Н. Симонов. Но они же рядом с собой заместителей не вырастили. И даже, наоборот, уничтожали, если у кого-то рядом чуть поднимался нос кверху. А когда они ушли, то осталось голое поле.

Режиссуры сейчас раз-два и обчелся. Хотя у нас в театре собрались самые знаменитые по нынешним временам мастера — П. Фоменко, Р. Виктюк, А. Кац. Ну куда дальше ехать! Но их тоже растаскивают кусками. И они как бы в театре, и в то же время по году-два не ставят спектакли. А заставить я их не могу, рычагов никаких нет. И платить им еще столько, сколько они получают на стороне, я тоже не могу.

А еще интереснейшая сейчас ситуация. Молодые талантливые режиссеры не хотят руководить театром. На черта им эта мука мученическая, египетские казни! Он лучше будет просто ставить спектакль и требовать все, что хочет. И ему будут давать, потому что в нем заинтересованы, без него театр существовать не может. А руководить театром, нести на себе всю эту чудовищную ношу только такие сумасшедшие, вроде Лаврова, Соломина да Ульянова, и могут. Но я думаю, что скоро мы подломимся. Все-таки есть предел сил. Потому что я многое вижу, чего в театре быть не должно, но ничего не могу с этим поделать. Я понимаю, что многое надо менять, а эта перемена будет с кровью.

Все это отнимает не только время, но и энергию. Все эти проблемы, которые каждодневно случаются в театре,— от мелочей до серьезного дела, от строительства до выговора за неявку на репетицию. Я сейчас почти ничего не играю, только один спектакль в месяц, [illegible] снимаюсь. Хотя планы у театра большие. Только что Р. Виктюк выпустил спектакль «Я тебя больше не знаю, милый...» А. Бенедетти. А. Кац начинает репетировать «Варваров» М. Горького. Есть договоренность с Р. Стуруа на постановку классического спектакля. Я занят только в одном из них — репетирую Цыганова в «Варварах». Но пока что никак не могу сосредоточиться. Я ведь человек разорванный — между СТД и театром, между жизнью и всем остальным. Но тем не менее пробую. А в СТД тоже немало проблем.

СОЮЗ театральных деятелей — единственный творческий союз, который выдюжил в этой перетряске. Союзы писателей, кинематографистов — те вообще развалились, потому что начали делиться. И это их погубило. Не потому, что там плохие люди или не очень умные. Просто, как в семнадцатом году, [illegible]. И растащили все.

Нам удалось не делиться, не отпочковываться. Были, правда, попытки, когда хотели организовать Московский СТД. А это значит, пришлось бы делить одеяло на двоих, рвать с двух концов, и от союза остались бы клочья. Но нам удалось это дело остановить, и, в общем, СТД удержался.

Удержался он организационно, удержался и экономически. Тоже были, конечно, всякие перипетии, но тем не менее мы сейчас живем, не погибаем. Мало того, мы даже за эти годы выстроили прекрасную поликлинику, строим дом ветеранов сцены в Твери. Пенсионный, инвестиционный фонды создали. В этом году в наших домах творчества отдохнули по сниженным ценам около пяти тысяч человек. Мы берем на себя миллиардные расходы. И, слава богу, ветеранам пока есть куда приклонить голову. Это такой спасательный круг в большую беду.

Короче говоря, союз существует. Но он существует вопреки отношению к искусству. И парадокс времени заключается в том, что при Николае Александровиче Романове и Иосифе Виссарионовиче Сталине актеров не обдирали, как липку, налогами. А при свободолюбивых демократах нас раздевают. Мы сейчас отчаянно отбиваемся от бесконечного количества проектов, которые нас просто разорят. Беда в том, что деятели, которые сидят на Олимпе и мудрят, как вывести страну из пропасти, в то же время губят культуру, как только могут.

Например, СТД обладает солидной долей имущества, накопленного за сто с лишним лет существования этой организации,— фабрики по производству грима, косметики, театральных принадлежностей. Но это же не Уралмаш, не Челябинский тракторный завод. А нас сравнивают с Уралмашем. И как с того дерут там, что он остановился, так и с нас. А мы скоро лопнем.

Буквально на днях мне показали очередные проекты Министерства финансов, которые нас просто уничтожат. С нас будут драть налоги на производство, на прибыль, даже на благотворительность. Мы, как дети, которых секут все время, неизвестно за что. Сейчас мы опять начали отчаянную борьбу. Создали Координационный совет, написали письмо. Побежим к начальству, опять будем умолять на коленях: не губите! И ведь что смешно-то: у нас ничтожное количество денег по сравнению с этими триллионами, которые вкладываются бог весть куда.

Мы обращаемся к Президенту. Президент издает Указ очень доброжелательный, помогающий нам. Но прошло уже два года — ничего решить невозможно. Притом весь парадокс заключается в том, что Президент — за, премьер — за, заместители — все за! [illegible] Вот такая ситуация.

И наш союз выдержит только в том случае, если наконец кто-то большой скажет: «Ша, ребята! Хватит! Не грабьте культуру. Не сравнивайте ее с доходобывающей промышленностью. Это — штучный товар. Да не разорим мы ничего.

Нынешнему составу Театрального союза осталось работать еще два года. И сейчас по поводу новых выборов начинают писать всякую дрянь. Вот я недавно в газете «Сегодня» прочел: будут драться за власть. Да берите вы эту власть! Кому она нужна! Я не сплю, не ем, домой прихожу ночью. Думают, что это такой легкий хлеб...

МЫ В СВОИХ прогнозах на сто бываем неумны. Однажды уже ошиблись, говоря, что с перестройкой все театры погибнут. Наоборот, их возникло великое множество. Мы не представляли, что свобода даст возможность такого всплеска энергии. Теперь эту энергию надо бы в духовность превратить. Души в нашем театре мало, тепла, человечности, сердечности. Сегодня все хотят либо испугать, либо примять, но никогда не помогают. И поэтому я думаю, что успех нашего спектакля «Без вины виноватые» еще и в том, что там действительно есть тепло, интеллигентность. Там есть то, чего нам сегодня чудовищно не хватает.

Сейчас периферийные театры живут интереснее московских. Они сосредоточеннее живут. Они спокойны, несуетливы. И актеры все, что нажито, увидено и услышано, тащат домой, в театр. А московские театры — как та дама, которая все время обряжается, рюшечки всякие подвешивает, всех хочет поразить своим видом. Да не надо никого поражать, мы и не такое видали. И вот, когда уйдут эта суета, [illegible], тогда и придет настоящее искусство, придет человечность.